

На правах рукописи

УДК: 73. 03. + 73. 01/ 09

ЕНДОЛЬЦЕВА Екатерина Юрьевна

**АРХИТЕКТУРНАЯ ПЛАСТИКА АБХАЗИИ В ПЕРИОД
АБХАЗСКОГО ЦАРСТВА (VIII – XI вв.)**

Специальность: 17.00.04 — изобразительное и декоративно-прикладное
искусство и архитектура

АВТОРЕФЕРАТ

на соискание ученой степени доктора искусствоведения

Санкт-Петербург 2021

Диссертация выполнена в отделе сравнительного культуроведения
федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт
востоковедения Российской академии наук»

Официальные оппоненты:

КАЛУГИНА ОЛЬГА ВЕНИАМИНОВНА, доктор искусствоведения, главный научный сотрудник кафедры кино и современного искусства факультета истории искусства федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет»

ПАНИНА НИНА ЛЕОНИДОВНА, доктор искусствоведения, доцент кафедры истории, культуры и искусств Гуманитарного института федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет»

ПРОКОПЕНКО ЮРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ, доктор исторических наук, профессор кафедры социальной философии и этнологии Гуманитарного института федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет»

Ведущая организация: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А. Л. Штиглица»

Защита состоится 22 сентября 2021 года в 15.00 часов на заседании Диссертационного Совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Д 999.089.02, созданного на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена» и федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургская Академия художеств имени Ильи Репина» по адресу: 191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48, корп. 6, ауд. 49.

С диссертацией можно ознакомиться в Фундаментальной библиотеке Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена по адресу: 191186, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48, корп. 5. и на сайте университета по адресу:

https://disser.herzen.spb.ru/Preview/Karta/karta_000000703.html

Автореферат разослан 18 июня 2021 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат искусствоведения

Татьяна Александровна Гильдина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования

Формирование искусства периода Абхазского царства, в частности его архитектурной пластики, отражает одну из сторон историко-культурного процесса самоидентификации отдельных народов на территории Северного Кавказа и Закавказья в период образования ряда независимых от Византийской империи государств (VIII – XI вв.). Архитектурная декорация в данном случае выступает как одно из ярких средств пластического выражения скрытых кодов, маркирующих особенности национального сознания абхазского народа на заре его становления. Эта тема видится особенно актуальной в свете современной геополитической обстановки в рассматриваемом регионе. Выявляемые особенности в процессе развития архитектурной пластики на начальном этапе ее сложения помогают понять тенденции, определившие ее дальнейшее становление, в том числе в эпоху зрелого Средневековья. Эта тема кажется продуктивной для анализа художественной культуры стран Закавказья (в первую очередь Грузии) и для понимания процесса формирования их самобытной культуры. Уточнение роли отдельных регионов в этом процессе, а также характер их взаимодействия друг с другом важны для составления объективной картины данного явления.

Степень разработанности темы исследования.

Исследования по архитектуре, скульптуре и живописи Абхазии весьма многочисленны. Однако большинство из них касается либо изучения конкретных памятников, либо, если это обобщающая работа, в ней нет четкого обоснования для отделения раннехристианских памятников от средневековых. Искусство периода Абхазского царства никогда не становилось предметом отдельного исследования.

Для этапа первоначального накопления знаний о памятниках средневекового и раннехристианского периода на рассматриваемой территории особенно значима деятельность графини П. С. Уваровой¹. Исследовательница организовывала систематические экспедиции, благодаря которым в научный оборот были введены многие памятники не только архитектуры, но и каменной пластики (значительная часть их ныне утрачена)². В этой работе принимали активное участие местные краеведы и некоторые именитые ученые своего времени³. Археологическое изучение средневековых древностей Пицунды и Нового Афона было продолжено в первые послереволюционные годы⁴. После окончания Великой Отечественной войны началось еще более активное археологическое изучение средневековых

¹ Уварова П.С. Кавказ (Абхазия, Аджария, Шавшетия, Псховский участок): Путевые заметки. Москва, 1891.4.

² Уварова П. С. Христианские памятники Кавказа. М., 1894 (МАК. IV).

³ Чернявский В. И. Записка о памятниках Западного Закавказья, исследование которых наиболее настоятельно// Протоколы Подготовительного комитета V Археологического съезда в Тифлисе. М., 1879.

⁴ Башкиров А. С. Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 года// ИАНО. Сухуми, 1926. Т. IV. С. 3-60.

древностей Абхазии. Важное место в этом процессе занимала деятельность абхазского археолога М. М. Трапша⁵ (изучение крепостных сооружений Анакопии). Археологические исследования ряда ключевых памятников средневековой пластики Абхазии были проведены Л. А. Шервашидзе⁶.

Трагические события 1992 – 1993 гг. не могли не повлиять на изучение археологических памятников рассматриваемого региона, научные исследования были на долгие годы остановлены. Однако в первые десятилетия XXI в. кабинетная и экспедиционная деятельность заметно оживилась. Силами абхазских исследователей и совместных русско-абхазских научных групп были изучены и введены в научный оборот многие объекты⁷. Среди современных абхазских специалистов чаще остальных христианские памятники архитектуры и пластики археологически изучает С. М. Сакания⁸.

Процесс активного археологического изучения единичных памятников средневековой архитектуры и пластики привел к появлению качественных обобщающих работ. Л. Д. Рчеулишвили представил историю купольных церквей Абхазии⁹. Р. О. Шмерлинг обобщила накопленный материал по мелкой каменной пластике¹⁰. Н. Аладашвили посвятила монографию фасадной пластике христианских храмов на территории Грузии¹¹, эту же тему развивает А. Альпаго-Новелло¹².

Среди недавних работ, касающихся малых форм в каменной пластике – алтарных преград, – труд французской исследовательницы грузинского происхождения Н. Яманидзе¹³. Как пример другого обобщающего исследования, посвященного непосредственно скульптуре средневековой Грузии (где упоминаются и абхазские памятники), нужно отметить новый труд коллектива грузинских авторов на английском языке¹⁴.

Для данной работы очень важны некоторые обобщающие исследования по архитектуре и скульптуре Абхазии, вышедшие за последние четыре десятилетия. Среди них труды Л. Г. Хрушковой, которая на протяжении нескольких десятилетий активно занимается изысканиями в этой области. Ее перу принадлежит первый обобщающий труд, посвященный скульптуре

⁵Трапш М.М. Материалы по археологии средневековой Абхазии. Труды М.М. Трапша. Т. 4. Сухум, 1975. С. 49-61.

⁶Шервашидзе Л.А. Церковь в с.Акапа (Одиши) около Сухуми// Труды АБИЯЛИ. Сухуми, 1959. Т.XXX. С. 115-120:7 л.табл. Шервашидзе Л.А. Мапаш Охуаме в с.Царче// Тезисы докладов на XVII научной сессии АБИЯЛИ. Сухуми, 1966. С. 11-12.

⁷Агумаа А. С., Бжания В.В., Бжания Д.С., Хондзия З.Г., Сакания С.М., Канделаки Д.А. Остатки храма в селе Микельрипш// 50-я итоговая научная сессия (25-27 апреля), тезисы докладов. Сухум, 2006. С. 23-24. Барцыц Р.М., Агумаа А.С., Археологические исследования в селе Лдзаа// АО 2007 года. М., 2010. С.560.

⁸Сакания С.М. Бзыбский храм и происхождение крестово-купольной формы// XLV итоговая научная сессия (24-26 апреля) Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии. Тезисы докладов. Сухум, 2001. С. 46-47.

⁹Рчеулишвили Л.Д. Купольная архитектура VIII—X вв. в Абхазии. Тбилиси, 1988.

¹⁰Шмерлинг Р. Грузинский архитектурный орнамент. Тбилиси, 1954. Шмерлинг Р. Малые формы в архитектуре средневековой Грузии. Тбилиси, 1962.

¹¹Аладашвили Н. Монументальная скульптура Грузии. Фигурные рельефы V – X веков. М., 1977.

¹²Alpago-Novello A. Art and Architecture in Medieval Georgia. Louvain la Neuve, 1980.

¹³Tamanidzé N. Les installations liturgiques sculptées des églises de Géorgie (VI – XIII siècles). Turnhout, 2010.

¹⁴Dadiani T., Khundadze T., Kvachataдзе E. Medieval Georgian Sculpture. Tbilisi, 2017.

Абхазии V – X вв.¹⁵ Исследование вводит в научный оборот многие памятники скульптуры и архитектурной декорации. При этом в нем четкая граница между памятниками раннехристианского времени и средневековыми произведениями не проводится, а изучение скульптуры этого периода в целом, рассматривается вне исторического контекста усиления Абхазского царства.

В опубликованной позже монографии этого же автора на французском языке¹⁶, основной акцент сделан на позднеантичные памятники. Средневековая часть представлена обобщенно, а предложенные варианты датировки некоторых объектов оспариваются специалистами. С дополнениями и комментариями, эта книга совсем недавно предстала и в русском издании¹⁷.

С точки зрения методики исследования рельефов значимой является книга З. В. Доде¹⁸. Автор раскрывает смысл некоторых образов благодаря сопоставлениям с изображениями на тканях.

Сегодня в кавказоведении ощущается назревшая необходимость в подготовке обобщающих трудов, в которых памятники абхазского искусства VIII–XI вв. рассматриваются не в соответствии с современными политическими границами, а с учетом исторической географии Абхазского царства (в современной географической номенклатуре – Сочинский район Краснодарского края Российской Федерации, территория Республики Абхазия, некоторые районы западной Грузии). Примером такой работы стала монография А. Ю. Виноградова и Д. В. Белецкого, посвященная церковной архитектуре Абхазии в эпоху Абхазского царства¹⁹. В этой книге упоминаются также некоторые образцы архитектурной декорации различных храмов, однако совершенно очевидно, что эта тема требует отдельного специального исследования. Решению этой научной проблемы и посвящена настоящая диссертация, основанная во многом на опыте предыдущих исследований автора²⁰.

Объект исследования.

Искусство Абхазского царства, а именно, архитектурная пластика христианских храмов, расположенных на территории племен, ставших ядром такого политического образования как Абхазское царство (VIII – XI вв.).

Предмет исследования – художественные особенности скульптурного убранства христианских храмов периода Абхазского царства.

¹⁵ Хрушкова Л.Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии: V—X века. Тбилиси, 1980.

¹⁶ Khroushkova L. Les monuments chrétiens de la côte orientale de la mer Noire. Abkhalie IV-XIV siècles. Turnhout, 2006.

¹⁷ Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье в византийскую эпоху. История. Архитектура. Археология. Калининград–Москва, 2018.

¹⁸ Доде З. В. Кубачинские рельефы. Новый взгляд на древние камни: Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Москва, Ставрополь, 2010.

¹⁹ Виноградов А. Ю., Белецкий Д.В. Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII – X в. М., 2015.

²⁰ Искусство Абхазского царства VIII – XI веков. Христианские памятники Анакопийской крепости/отв. ред. и сост. Е. Ю. Ендольцева. СПб, 2011.

Цель диссертационной работы заключается в осуществлении комплексного искусствоведческого исследования, направленного на выявление истоков сюжетов, использовавшихся в архитектурной декорации храмов, а также в определении общих художественных тенденций, характеризующих архитектурную пластику Абхазского царства.

Задачи исследования:

- Определить круг памятников, которые могут быть отнесены к периоду Абхазского царства.
- Пересмотреть датировки определенных артефактов и ввести в научный оборот (атрибутировать и датировать) некоторые неизвестные до сих пор памятники.
- Предложить иконографические и стилистические аналогии для некоторых сложных многофигурных композиций с участием антропоморфных фигур.
- Поставить в исторический и культурный контекст рельефы с зооморфными образами, определить их художественные особенности.
- Определить композиционные особенности рельефных изображений с изображениями крестов, определить их функциональные рамки.
- Определить художественные особенности и круг аналогий для рельефов с плетеными геометрическими и растительными орнаментами
- Определить значение и истоки рельефов с простейшими видами геометрического и фигуративного орнамента
- Определить место архитектурной пластики Абхазии середины VIII – начала XI вв. в искусстве христианского мира
- Охарактеризовать общие тенденции в развитии архитектурной пластики Абхазского царства, поставить ее в культурный и исторический контекст развития соседних регионов.

Гипотеза исследования состоит в том, что архитектурная пластика Абхазского царства является оригинальным художественным явлением, которое базируется на некоторых принципах ранневизантийской пластики. Особенности стиля рельефов, их иконография сложились под влиянием духовной культуры соседних регионов (Малая Азия, Каппадокия, Греция, Армения, Верхняя Картли). Оригинальность некоторых композиций отчасти обусловлена влиянием мощной локальной дохристианской культовой традиции.

Теоретико-методологической основой исследования являются принципы художественного анализа, системности и объективности. Исползованные в работе методы (сравнительно-типологический, комплексный анализ изобразительного материала, письменных источников и археологического материала) определены поставленными задачами и состоянием источников.

Посредством сравнительно-исторического, иконографического, иконологического и стилистического анализа определен круг памятников, которые можно отнести к периоду Абхазского царства. На основе

стилистического анализа проведена типологизация групп изображений. Для каждой из выделенных групп предложен широкий круг аналогий, которые позволяют поставить эти группы в художественный контекст культуры сопредельных регионов. В результате выделены общие тенденции, характеризующие архитектурную пластику периода Абхазского царства.

Немаловажное значение для решения поставленных задач имеет разработка методики, которая бы позволила отличить раннехристианские рельефы от средневековых. Учитывая состояние источников и уровень знаний о рассматриваемых памятниках, для решения этой проблемы необходимо применение комплексного подхода. При рассмотрении каждого памятника учитываются его стилистические особенности, возможные аналогии с точки зрения иконографии, техники, функции, материала. Зачастую эти данные (иногда вкуче с эпиграфическими или летописными свидетельствами) позволяют вписать то или иное рельефное изображение в исторический контекст именно средневизантийского периода, что соотносится с эпохой политического расцвета Абхазского царства. Эта же проблема актуальна не только для абхазских памятников, но и для памятников, происходящих с территории Северного Причерноморья и различных регионов Византийской империи. Важная роль в ее решении принадлежит А. Грабару²¹, который использовал не только метод стилистического и иконографического анализа изображения, но подчеркивал роль комплексного подхода. Этот же принцип на современном уровне развития технологий применяет французская исследовательница К. Вандерхейде²². А. Ю. Виноградов и Д. В. Белецкий применяют метод комплексного анализа и визуального исследования памятников архитектуры периода Абхазского царства, благодаря чему ими предложена их детальная хронология²³.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

Впервые выделена группа рельефов (для некоторых из них предложены и обоснованы новые датировки, некоторые – вновь атрибутированы), которую можно отнести к VIII – нач. XI вв., то есть ко времени существования Абхазского царства. Исследованы их художественные особенности. Показана стилистическая и иконографическая разнородность. Определены регионы, которые могли повлиять на возникновение этой разнородности.

Теоретическая значимость заключается в возможности использования результатов исследования как основы для понимания специфики художественно-исторических процессов VIII – нач. XI вв. в периферийных для Византийской империи формирующихся государствах. Работа создает базу для исследования проблемы рождения собственного художественного стиля в VIII – XI вв. в различных частях Кавказа и Передней Азии. Благодаря предложенной методике становится возможным дальнейшее продуктивное

²¹ Grabar A. Les voies de la création en iconographie chrétienne : Antiquité et Moyen Age. Paris, 1994. P. 251 – 256.

²² Vanderheyde C. La sculpture byzantine du IX au XIV siècle. Contexte. Mise en oeuvre. Décors. Paris, 2020. P. 31 – 44.

²³ Виноградов А. Ю., Белецкий Д.В. Церковная архитектура Абхазии...

описание рассматриваемых процессов и тенденций. Определяются перспективы для их последующего анализа и систематизации. Результаты и выводы диссертации могут быть использованы при изучении общих вопросов истории искусства и культуры Средневековья на Кавказе и в Византийской империи.

Практическая значимость исследования.

Результаты и выводы диссертации полезны при разработке курсов лекций и написании обобщающих работ по истории средневекового искусства и культуры Северного Кавказа и Закавказья, при создании музейных и выставочных экспозиций. Они также могут быть интересны для широкого круга специалистов, исследующих культуру и искусство Закавказья и Северного Кавказа, в частности для краеведов. Возможно использование для разработки экскурсионных маршрутов.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Выделен круг памятников архитектурной пластики, который следует отнести к периоду Абхазского царства. Временем между серединой X и первой половиной XI вв. датирован ряд произведений (рельефы из лапидарной коллекции, происходящей из алтаря церкви св. Феодора на горе Анакопия; рельефы с изображениями быка и льва у креста, птицами, рыбами, «мальтийским» крестом и птицей и две плиты с крестами из Мрамбы; плиты с рельефными изображениями, расположенными над входами в жертвенник и диаконник храма в селе Агу-Бедиа, рельефы, переиспользованные во внутренней облицовке этого храма; капители колонн, обнаруженные внутри храма в Мокве; белокаменная деталь, обнаруженная при натурных исследованиях храма Киач-аныхабаа летом 2016 г.; рельеф с изображением креста с виноградными гроздьями, обнаруженный около церкви в селе Куламба; рельеф, обнаруженный в фондах Абхазского государственного музея в 2008 г. с изображением дергания за бороду одного персонажа другим («Сон Иосифа»); основание базы колонки с редким иконографическим изводом сцены «Иона, поглощаемый китом»).
2. Установлено, что рельефы со сложными многофигурными композициями с участием антропоморфных фигур (плиты из Ольгинского, из Дранды, из села Анухва, фрагмент плиты с изображением «Сна Иосифа») являются продукцией художественных центров Византийской империи (Константинополь, Греция) или были выполнены при участии греческих мастеров. Благодаря обнаружению иконографических аналогий некоторые из них удалось связать с произведениями скульптуры романской Франции.
3. Рельефы с территории Абхазии с зооморфными образами сопоставлены с определенной группой росписей в Каппадокии и с рельефами из Верхней Картли (Кударо), выделены общие для них стилистические и иконографические особенности. Установлено, что плоскостно-

графическая манера исполнения рельефов обусловлена влиянием более древней локальной археологической культуры.

4. Рельефы с изображениями крестов исследованы в контексте средневизантийской скульптуры эпохи Македонской династии.
5. Плетеные геометрические и растительные орнаменты, представленные на территории Абхазии, сопоставлены с аналогичными орнаментами, имевшими распространение в византийской скульптуре периода Македонской династии. Доказано, что их истоки связаны с ранневизантийской художественной традицией.
6. Рельефы с простейшими видами геометрического и фигуративного орнамента соотнесены с аналогичными памятниками византийского круга периода Македонской династии (перевязанные колонки), а также с архитектурной декорацией из Верхней Картли (витой жгут, лента с загнутыми вверх краями). Установлено, что некоторые из мотивов берут истоки в дохристианской художественной традиции и имеют значение апотропеев.
7. Установлено, что некоторые образы в пластике Абхазского царства (зооморфные, некоторые виды орнаментов) возникли под влиянием дохристианской художественной традиции и имели свои истоки на территории Верхней Картли.
8. Искусства Абхазского царства рассматривается как многообразное и самобытное художественное явление, которое на разных этапах своего развития активно взаимодействовало с соседними регионами – греческими и малоазийскими провинциями Византийской империи, странами Закавказья.

Апробация результатов исследования.

Результаты исследования опубликованы в 36 научных работах (из них одна научная монография, одна коллективная монография (ответственным редактором выступает автор), 15 публикаций в рецензируемых научных изданиях, входящих в перечень ВАК), 19 публикаций в специализированных отечественных и зарубежных научных журналах, сборниках, материалах конференций. Основные положения обсуждены на заседании отдела Сравнительного культуроведения ИВ РАН (2020). По теме диссертации сделаны доклады на XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (Магас, 2010 г.), XXVIII «Крупновских чтения» по археологии Северного Кавказа (Москва, 2014), XXX «Крупновских чтения» по археологии Северного Кавказа (Карачаевск, 2018), на I – V Абхазских международных археологических конференциях (Сухум, 2006 – 2017 гг.), на научно-практической конференции «Историко-культурное наследие Юга России» (Ставрополь, 2015 г.), на международной научно-практической

конференции «Историко-культурное наследие Великого шелкового пути и продвижение туристических дестинаций на Северном Кавказе» (Ставрополь, 2016), на неделе археологии в г. Ставрополе, организованной Ставропольским государственным историко-культурным и природно-ландшафтным музеем-заповедником им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе (Ставрополь, 2018), на Международной научной конференции «Археология средневекового храма» к 170-летию К. К. Косцюшко-Валюжанича (Севастополь, 2017), на всероссийских конференциях «Библейские и литургические темы и образы в искусстве Востока и Запада: диалог культур, традиция и современность» (Москва, 2016, 2017), на XXI Всероссийской научной сессии византинистов (Белгород, 2016), на VII и VIII Международных конференциях «Актуальные проблемы теории и истории искусства» (Санкт-Петербург, 2016; Москва, 2018), на научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения Вал. А. Булкина (Санкт-Петербург, 2017), на VI научных чтениях «Россия. Грузия. Христианский Восток. Духовные и культурные связи» (Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева, Москва, 2018), на IX «Анфимовских чтениях» по археологии Западного Кавказа (Анапа, 2019), на круглом столе «Национальная культура в транснациональном пространстве» (ИВ РАН, Москва, 2018), на круглом столе «Способы и формы воздействия Запада на культуры Востока» (ИВ РАН, Москва, 2019), на 40 заседании научно-практический семинара «Кавказ в прошлом и настоящем (общество и политика, экономика и культура)» (Центр проблем Кавказа и региональной безопасности МГИМО и Центр изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья ИВ РАН, Москва, 2018), на международной иконографической конференции «Iconography of death» (Croatia, Rijeka, 2011).

Структура диссертации.

Диссертация состоит из двух томов. Том I составлен из введения, истории исследования памятников, истории Абхазского царства и его зодчества, шести основных глав, заключения, списка использованной литературы и источников, приложения, где изложены исторические сведения по наиболее крупным лапидарным коллекциям, откуда происходят рассматриваемые рельефы. Том II содержит иллюстративный материал и список иллюстраций (198 позиций). Иллюстрации скомпонованы по наиболее значительным лапидарным коллекциям с территории Абхазии и, если это одиночные рельефы, по географическому принципу (церкви, откуда происходят одиночные рельефы с запада на восток).

В список литературы, использовавшейся при написании диссертационного исследования, входят 348 научных публикаций, в том числе 104 на иностранных языках. Список источников включает в себя 2 позиции.

Работа выполнена по специальности 17.00.04 — изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура. Исследуются пластические виды искусства и архитектуры, а также исследуются формы их

взаимодействия друг с другом. Исследуются также внешние и внутренние закономерности развития пластических искусств (скульптура). Текст работы соответствует пункту 1, так как в нем рассматриваются прикладные проблемы мировой художественной культуры прошлого, пункту 2, так как в нем исследуются внешние и внутренние закономерности развития пластических искусств, а также пункту 6, поскольку затрагиваются идейные искания и стилевые направления эпохи Абхазского царства в архитектурной пластике.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **«Введении»** к диссертации обосновывается выбор темы работы, ее актуальность, раскрывается степень ее разработанности, определяются объект и предмет исследования, его цели и задачи, формулируется его гипотеза. Представляются также теоретико-методологические подходы, использованные в исследовании, раскрывается его научная новизна, теоретическая и практическая значимость, рассказывается об апробации полученных результатов.

Первая глава «Искусство Абхазского царства в контексте его истории» носит историографический характер. В ней рассматривается история исследования памятников христианского искусства, которые датируются периодом Абхазского царства, анализируются источники, на основе которых можно реконструировать историю Абхазского царства, рассматриваются исследования, которые посвящены истории этого государственного образования.

В первом параграфе «История исследования памятников, соотносимых с периодом Абхазского царства» подробно описывается история изучения и введения в научный оборот основных памятников христианской архитектуры периода Абхазского царства. Выделены и охарактеризованы четыре исторических периода, на протяжении которых особенно активно изучались христианские древности Абхазии. Изложение материала строится по географическому принципу: история исследования христианских древностей эпохи Абхазского царства, историческая территория которого объединяет территорию собственно Абхазии, Сочинского района Краснодарского края (РФ) и отдельных районов Грузии, которые входили в состав исторического ядра Абхазского царства (Рача, Верхняя Картли и др.). Его историческое ядро включало в себя три вышеперечисленных региона (в современной географической номенклатуре). История изучения каждого из этих регионов характеризуется в новейшее время определенными, характерными именно для него этапами. В каждом из этих регионов работали различные группы исследователей. В конце этого параграфа дается детальная характеристика основных обобщающих работ, касающихся христианских древностей рассматриваемого региона или архитектурных памятников периода Абхазского царства.

Во втором параграфе первой главы «История Абхазского царства и его зодчества: основные этапы» представлен обзор немногочисленных источников по истории Абхазского царства. В контексте результатов новейших и наиболее важных исследований З. В. Анчабадзе, А. Ю. Виноградова, Д. В. Белецкого рассматриваются ключевые события его истории, в том числе роль правителей в деле строительства христианских храмов. Отдельно подчеркивается значение для становления и развития зодчества и архитектурной пластики Абхазского царства деятельности царей Леона II, Баграта I, а особенно Георгия II, Леона III и Баграта II²⁴. Представлена историческая канва событий, на фоне которой далее анализируются художественные особенности рельефных изображений различных типов.

Во второй главе «Художественные особенности рельефных изображений со сложными многофигурными композициями с участием антропоморфных фигур» анализируются различные сцены с участием Христа, Богоматери, пророков, святителей, святых всадников и др. Датировка большинства из этих рельефных изображений не вызывает серьезных дискуссий (за исключением т. н. плит из Цебельды и плиты с изображением деисуса из Дранды). Поэтому акцент сделан на поиск иконографических и стилистических аналогий с целью определить возможные художественные центры, связанные с производством этих артефактов. В некоторых случаях атрибутируются и вводятся в научный оборот неизвестные ранее сцены.

Первый параграф второй главы «Сцены с участием Христа и Богоматери» посвящен плите со сценой Распятия из села Анухва и двум плитам алтарной преграды из села Дранда (деисус и Христос с Богоматерью на фоне архитектурного пейзажа). Иконографические аналогии позволяют, вслед за Р. О. Шмерлинг, отнести первую плиту к XI в. Две другие плиты, также благодаря иконографическим и стилистическим аналогиям, можно считать выполненными одновременно и отнести их к X в.

Во втором параграфе второй главы «Сцены с участием святителей и литургические сцены» анализируются особенности композиций и стиля изображений на двух плитах из села Ольгинского (святитель и фрагмент литургии). Стилистические и иконографические аналогии позволяют (вслед за рядом других исследователей) относить их к X в.

Третий параграф второй главы «Изображения пророков, праведных и святых» касается, в частности, ранее неизвестного рельефного изображения из фондов Абхазского государственного музея. На плите прямоугольной формы изображены три фигуры, одна из которых тянет за бороду другую. Найденная иконографическая аналогия (капитель из Клермон - Феррана с латинской надписью) позволяет атрибутировать абхазское изображение как

²⁴ См. таблицу возможных датировок их правления в: Виноградов А. Ю., Белецкий Д.В. Церковная архитектура Абхазии... С. 88.

сцену «Сон Иосифа». Географически более близкие стилистические аналогии (плиты из Ольгинского и Дранды) позволяют отнести этот фрагмент к X в.

Другой неизвестный ранее фрагмент алтарной преграды оказался, благодаря найденным иконографическим аналогиям, редким изводом сцены «Пророк Иона, поглощаемый китом» (найден в Дранде). Кит показан как гибридное мифологическое существо. Он изображен дважды, как и Иона. В первом случае из пасти зверя торчит торс Ионы с воздетыми руками, во втором – его ноги. Стилистические и иконографические аналогии позволяют датировать этот фрагмент X в. Истоки этой иконографии прослеживаются в раннехристианском искусстве эллинистического толка.

Четвертый параграф второй главы «Изображения всадников» посвящен изображениям св. Георгия из села Анухва и неизвестного всадника из села Ольгинское. Стилистические аналогии позволяют отнести первый артефакт к рубежу X – XI вв., а второй – к X в. В обоих случаях отмечается высокое качество изображения, его пластичность и натуралистичность.

В пятом параграфе второй главы «Рельефы, датировка которых сложно определяется (т. н. Цебельдинские плиты)» рассматриваются две плиты, найденные около церкви на возвышенности Арасараху около села Октомбери (Вороновская), разные фрагменты которых хранятся в музеях г. Сухум и г. Тбилиси.

На так называемой первой плите представлены сцены Распятия и Воскресения (в среднике), сцены Раскаяния Петра, Мученичества Петра, часть сцены Жертвоприношения Авраама (раб Авраама, ведущий мула), Крещения и чуда св. Евстафия показаны на полях. Т. н. вторая плита изображает Богоматерь на троне на фоне архитектурного пейзажа и раздвинутых занавесей. На полях - изображения Даниила во рву львином и два всадника (на верхнем поле). Стиль изображений плоскостный, фигуры показаны схематично. Нет единого мнения о датировках этих артефактов. По этому поводу выдвигались разные версии, от VII-VIII до XII в. Наиболее убедительной представляется выстроенная на анализе особенностей композиции одной из сцен версия А. Ю. Виноградова, согласно которой обе плиты относятся ко времени до второй трети VIII в. Это предположение удачно коррелирует и с историческим контекстом эпохи (Цебельда была важным центром Апсилии до 738 г., а в 787 г. она уже вошла в состав Абхазского царства).

Вторая глава завершается *Выводами*. Среди наиболее значимых – соображения по поводу функции рассмотренных рельефов. Все они были плитами (или фрагментами) алтарных преград из разных церквей.

Можно также выделить две хронологические группы: одни относятся ко второй трети VIII в., другие – к X – началу XI вв.

Некоторые детали костюмов персонажей на плитах первой группы позволяют предположить влияние персидских или испытавших их влияние закавказских памятников.

Памятники второй группы достаточно однородны с точки зрения стиля. Изображения, выполненные на них, отличает высокое качество (построение композиции, пластичность фигур, их объемность и натуралистичность).

Выявленные аналогии позволяют поставить эти памятники в контекст романской скульптуры Европы, а также сравнить их с лучшими образцами мелкой пластики с территории Византии X – XI вв. (Греция, Малая Азия, отчасти Константинополь и др.) и современной Грузии.

Третья глава «Художественные особенности рельефов с зооморфными образами» посвящена группе рельефов с животными, в ней анализируется особый стиль этих изображений. Большинство артефактов происходит с территории Абхазии, некоторые из них – с территории современного Сочинского района Краснодарского края, другие – с территории современной Республики Южная Осетия (также входила в историческое ядро Абхазского царства). Рассматриваются аргументы, которые позволяют датировать многие артефакты этой группы и считать их относящимися ко времени Абхазского царства (а не к раннехристианскому периоду, как это считалось ранее).

В первом параграфе третьей главы «Рельефы с изображениями млекопитающих» рассматриваются в первую очередь рельефы из лапидарной коллекции с горы Анакопия (с изображением льва и с изображением быка и льва у креста), датировка которых послужила основанием для подобных выводов в отношении и других рельефов этой группы. Стилистические и иконографические аналогии с фрагментами архитектурной декорации, украшавшими церкви в Тао и Кларджети (Ошки, Хахули, Пархали и др.) и на территории современной Грузии (в селе Бза и др.), позволяют считать анакопийские рельефы относящимися к X в. Надпись на одном из них, в которой упоминается византийский император Константин IX Мономах, позволяет расширить хронологические рамки для этой группы изображений до первой половины XI в. В пользу такой трактовки изображений свидетельствуют как исторические (крепость на горе Анакопия была в руках византийцев (30 – 40-е гг. XI в.), так и археологические данные (найлены следы строительной деятельности при византийцах в крепости).

Сцены на двух рельефах с изображением быка и льва у креста (с горы Анакопия и из коллекции Абхазского государственного музея) идентифицированы как иллюстрация пророчества Исая (Ис. 11: 6, 7). Рассмотрена история бытования этого сюжета (как и изображение одиночного льва) в раннехристианское время и в эпоху Средневековья. В результате чего установлено, что эти сюжеты появляются в архитектурной пластике

христианских храмов не ранее X в., что является дополнительным аргументом в пользу датировки абхазских изображений.

Характерные стилистические особенности (плоскостно-графический рисунок, изображение достаточно условно и схематично) позволяют объединить рельефы с зооморфными образами из Анакопии с рельефом из Абхазского государственного музея (бык и лев у креста) и с группой изображений из Мрамбы в одну группу. Судя по стилю, к этой же группе можно отнести изображения на капители из Цибилиума. Иконографический анализ мотива бычьей головы в архитектурной пластике Кавказа подтверждает возможность отнести этот фрагмент к X – XI вв.

Изображение животных на горе Лашкендар имеет спорную датировку. Архитектурные особенности храма не позволяют исследователям выработать согласованную версию касательно его датировки (основные версии – VII в. и X-XI вв.). Стилистические особенности (плоскостно-графический стиль, схематичный рисунок) также позволяют отнести это изображение к X – пер. пол. XI вв. Это предположение подтверждается возможным смысловым и иконографическим сходством с изображениями собак на т.н. гробнице аланского вождя с Кяфарского городища (XI в.). К этой же группе зооморфных образов относятся львы из сцены Даниил во львином рву (с. Веселое). Иконографические и стилистические аналогии с соседних территорий (Мартвили, Зарзма) подтверждают это предположение.

Второй параграф третьей главы «Рельефы с изображениями рыб» посвящен одному из анакопийских рельефов и фрагменту из Мрамбы. Анализ композиции рельефа с рыбой и двумя кипарисами из церкви св. Феодора, а также его иконографические особенности и функция (наличник окна, фрагмент внешней облицовки храма) позволяют поставить его в художественный контекст X – XI вв. (росписи из Зельве, церкви св. Василия в Каппадокии, Ахтамар). Стилистические особенности позволяют сопоставить эти два рельефа с группой изображений млекопитающих из Анакопии, из Абхазского государственного музея и др., что также подтверждает предложенную датировку.

Третий параграф третьей главы «Рельефы с изображениями птиц» посвящен двух плитам из Мрамбы. Плиты с изображением двух птиц (Абхазский государственный музей) и птицы и виноградной лозы у креста (хранилище бывшего Государственного управления охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия) демонстрируют стилистическую близость (плоскостное изображение, оперение показано параллельными насечками разной длины, трактовка клюва и глаз). По этому критерию их можно сопоставить с вышеописанными изображениями млекопитающих и рыб, а также с некоторыми памятниками с территории Грузии (церковь св. Георгия в с. Бза, X в.).

Четвертый параграф третьей главы «Зооморфные изображения с территорий, входящих в сферу влияния Абхазского царства (Республика Южная Осетия) и, частично, Грузия» касается изображений, находящихся сейчас на территории Республики Южная Осетия (верховья реки Ксани, Эгриси, входила в состав Абхазского царства): звери из Касагина, Надарбаева, Квайса-Джвари (Кударо), морское чудовище, поглощающее Иону из Берис-сакдари в Эредви.

Изображения быка, льва, условного грифона, змея демонстрируют стилистическую и функциональную близость (фрагменты внешней облицовки, верхние наличники окон) с группой зооморфных изображений из Анакопии и с. Веселого.

Сцена поглощения пророка Ионы китом на плите из Квайса-Джвари показывает тот же иконографический извод, что аналогичная сцена из Дранды и из Эредви.

Вышеперечисленные фрагменты архитектурной декорации с территории Южной Осетии датируются в пределах X в., что подтверждается рядом аналогий с соседней территории Грузии (Азаврети, Гумбати, Кехви, Бза, Дигоми). Изображения птиц из Мрамбы по ряду стилистических признаков (трактовка оперения) можно сопоставить с птицами на алтарной преграде из Гвелдеси.

Среди основных *Выводов к третьей главе* – передатировка (в пользу середины X - середины XI вв.) большей части рассмотренных выше артефактов базируется прежде всего на аргументах, касающихся исторического и эпиграфического контекста зооморфных образов, происходящих из лапидарной коллекции с горы Анакопия. Иконографические особенности этих изображений позволяют вписать их в художественный контекст Византийской империи (Малая Азия) и культурно зависимых от нее регионов (Северная Италия, Киевская Русь) периода Македонской династии (каменная пластика, слоновая кость).

Гипотеза о передатировке группы стилистически близких зооморфных изображений подтверждается также иконографическим и стилистическим анализом сцены, которая идентифицируется как иллюстрация пророчества Исайи (11: 6-9).

Большинство рассмотренных изображений выполнены на фрагментах внешней облицовки храмов. Те из них, что выполнены на верхних наличниках окон, могли иметь апотропеическое значение. Рассмотренные изображения выполнены в едином стиле, его можно назвать плоскостно-графическим. При этом характер изображений не всегда позволяет сделать уверенную биологическую идентификацию зверей. Если версия датировки храма на горе Лашкендар верна, то представленных над западным входом зверей можно считать собаками. Их появление в христианской пластике в данном контексте

уникально и может быть объяснено интенсивными культурными контактами с аланами.

Наибольшее количество общих черт между Абхазскими памятниками и памятниками, происходящими из других регионов Абхазского царства, демонстрирует, пожалуй, западная часть Шида Картли (Республика Южная Осетия) (к западу от реки Ксани) (стиль изображений, отдельные иконографические детали).

Похожие по стилю изображения встречаются также в некоторых памятниках Каппадокии (кошачьи хищники, быки, рыбы на фресках).

Эти изображения могли отражать некоторые местные художественные традиции, которые содействовали духовному и культурному подъему в северной части Западного Картли как в области наименее затронутой арабскими набегами на рубеже IX и X веков. Возможно, появление таких изображений связано с влиянием традиционной культуры, отражения которой встречаются на памятниках этого региона, начиная с эпохи бронзы.

В четвертой главе «Художественные особенности рельефов с изображениями крестов» рассматриваются различные виды крестов, присутствовавшие на рельефах, которые можно отнести к периоду Абхазского царства, и их эволюция от раннехристианского до периода средневековья. В результате чего оказывается, что появление крестов на фасадах храмов (в архитектурной пластике) – черта, в большей степени характеризующая именно средневизантийский постиконоборческий период. Вероятно, они могут восприниматься как апотропеические знаки.

В первом параграфе четвертой главы «Рельефы с так называемыми «мальтийскими крестами»» представлены четыре плиты из Анакопии и крест из села Хуап. Иконографические аналогии позволяют поставить эти изображения в контекст византийской скульптуры периода Македонской династии. Некоторые параллели также происходят с территории современных Южной Осетии, Грузии и других регионов Кавказа.

Во втором параграфе четвертой главы «Рельефы с изображениями так называемых латинских крестов» исследуются две плиты из церкви св. Феодора на горе Анакопия. В качестве иконографических аналогий упоминаются рельефы из территориально близких регионов (Рача, Джавахети), из Армении, а также с территории Византийской империи (Греция).

В третьем параграфе четвертой главы «Плиты с изображениями так называемых голгофских крестов» рассмотрены плита с горы Анакопия, плита с крестами, украшенными выемчатым геометрическим орнаментом из хранилища бывшего Государственного управления охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия и рельеф из крепости на реке Бзыбь.

Кресты на эти плиты имеют различные стилистические черты и технические характеристики. Однако приведенные для каждой из них аналогии, как и в предыдущих случаях, находятся (помимо территориально ближайших памятников) на территории различных районов Грузии, Южной Осетии (Шида Картли), Армении, Византийской империи (Сирия). Их датировка укладывается в хронологические рамки X – пер. пол. XI вв.

В четвертом параграфе четвертой главы «Плиты с изображениями процветших крестов» проанализированы две плиты с горы Анакопия, две плиты из внутренней облицовки собора в с. Агу-Бедиа, плита из храмового комплекса на Бамборском мысу и фрагмент постамента предалтарного креста из села Анухва.

Выявленные в каждом случае иконографические и стилистические аналогии происходят с территории Византийской империи и примыкающих регионов (Греция, Херсонес, Сирия), современных Южной Осетии и Грузии (Рача и др.), исторической области Тао - Кларджетии. Их можно датировать X – пер. пол. XI вв.

В заключительном пятом параграфе четвертой главы «Рельефы с изображениями крестов в обрамлении, крестов с виноградными лозами на поперечных перекладинах и процарапанных крестов» рассматриваются рельефы с горы Анакопия, из церкви св. Симона Кананита, с горы Лашкендар, две плиты из Мрамбы, плита из села Пшоухве, две плиты из Алахадзы, плиты из крепости Герзеул и из поселка Куламба.

Иконографические и смысловые аналогии с территории Грузии и Византийской империи (Сирия, Греция и др.) позволяют поставить плиту из Куламбы в контекст архитектурной пластики средневизантийского периода.

То же касается рельефов из Алахадзы (с акцентом на византийские параллели) и из Мрамбы (иконографические параллели к некоторым элементам (витой жгут) из крепости Бзыбь и с территории Южной Осетии).

Выводы к главе 4 касаются стилистического, иконографического и технического разнообразия рассмотренных рельефов.

Развитие распределенных по подгруппам типов крестов проходит зачастую одни и те же стадии, что и зооморфные образы: возникновение в V–VI вв. в Сиро-Палестинском регионе, распространение в иконоборческое время в Малой Азии (Каппадокия) и в Закавказье (Армения), пышный расцвет в каменной пластике, начиная с X–XI вв., в Закавказье и в некоторых областях Византийской империи (Греция, Крым). Исключение составляет подгруппа из двух плит с крестами мальтийского типа в низком рельефе, которые напоминают надгробные плиты времен Хазарского каганата, найденные в Крыму. Большинство рельефов с крестами из анакопийской коллекции (за исключением последней подгруппы с «мальтийскими» крестами) может быть отнесено, подобно зооморфным изображениям, ко времени между 60-ми гг. X

и серединой XI в. Анализ рельефов с «мальтийскими крестами» подсказывает возможность расширения этого интервала примерно на полвека, до рубежа IX–X вв. Есть также примеры подобного рода среди фрагментов, найденных в церквах в селах Агу-Бедия, Мрамба, Анухва, близ Алахадзы, Пшоухве, Цибила, Кулаамбы, Цебельды, в Бзыбской крепости, на Бамборском мысу, на горе Лашкендар.

С точки зрения функции, рассматриваемые рельефы относятся ко внешней или внутренней облицовке храмов или встречаются на различных фрагментах алтарных преград. В тех случаях, когда они украшают верхние наличники окон или порталы, их, вероятно, можно считать апотропеическими знаками. Стилистические и иконографические аналогии позволяют свидетельствовать тесные художественные связи, которые существовали между Абхазским царством и различными художественными центрами на территории современной Республики Южная Осетия, Грузии, Армении, различными регионами Византийской империи (Греция, Малая Азия, в особенности, Каппадокия).

Пятая глава «Художественные особенности рельефов с плетеным геометрическим и растительным орнаментами» посвящена самой многочисленной группе рельефов. Она делится на подгруппы, рассмотренные в ней изображения разнородны с точки зрения стиля и иконографии. Наибольшее количество артефактов происходит из лапидарной коллекции с горы Анакопия. В основном это геометрические плетеные орнаменты разных типов. Как и в случае с изображениями крестов, и, в некоторых случаях, с зооморфными образами, такие орнаменты встречались в раннехристианский период на напольных мозаиках, где, как показывает Г. Мегвайр, выполняли функцию апотропеев. В средневизантийский период они появляются в архитектурной пластике во внешней и внутренней облицовке храмов и на алтарных преградах, где, вероятно, выполняют ту же функцию.

В первом параграфе пятой главы «Резные блоки с плетеным геометрическим орнаментом разного типа» рассматриваются около тридцати пяти фрагментов из церкви св. Феодора на горе Анакопия, два утраченных рельефа из нижней церкви той же крепости (Анакопия), архитектурные детали из села Анухва, фрагмент алтарной преграды с надписью из Бамборы, несколько фрагментов архитектурной декорации, переиспользованных во внутренней облицовке собора в с. Агу-Бедия и хранящихся внутри него, фрагмент архитектурной декорации, переиспользованный в кладке храма в Мюссере, рельефы со специфическим видом плетеного орнамента (с декоративной лентой) из Бзыбской крепости и из храма в Лоо, фрагменты алтарной преграды из села Полтавское.

Последовательно рассматриваются такие типы плетеного геометрического орнамента (ленточный) с лентой плетения в три полосы как переплетающиеся кольца большего и меньшего диаметра, переплетающиеся

кольца малого диаметра, орнамент из петелек типа «сеточка», переплетающиеся кольца большого диаметра и ромбы, переплетающиеся ромбы, переплетающиеся квадраты, центрические орнаменты с декоративной розеткой, составленные из звезды и круга или других геометрических фигур, переплетающиеся четырехконечные звезды и круги, орнамент типа «сельджукская цепь».

Многочисленные аналогии с территории Византийской империи (Малая Азия, Греция), Армении, Грузии, Республики Южная Осетия, исторических провинций Тао и Кларджети, а также исторические сведения, касающиеся рассматриваемых церквей (изложены в Приложении), позволяют уверенно датировать рассмотренные типы орнаментов X – пер. пол. XI вв. Они вписываются в художественный контекст искусства Византийской империи периода Македонской династии.

Второй параграф пятой главы «Рельефы с плетеным геометрическим орнаментом с растительными элементами» посвящен рельефу из Анакопии (плетеный геометрический ленточный орнамент с цветочной розеткой), фрагментам алтарной преграды из Ачануа, Мсыгхуа и Лыхны, плитам алтарной преграды из села Октомбери (двойной лист, вплетенный в геометрический узор, составленный из кружков малого диаметра (лента плетения в три полосы)), фрагментам алтарной преграды из села Полтавское, резному наличнику из церкви в Илори (S-образно загибающаяся лоза, выполненная лентой плетения в три полосы).

Иконографические аналогии с памятниками Закавказья (Грузия, Армения, Южная Осетия), а также с некоторыми узорами на тканях средневизантийского периода позволяет датировать эту группу рельефов в пределах X – пер. пол. XI вв.

Третий параграф пятой главы «Рельефы с растительными орнаментами» касается фрагмента из Анакопии, фрагментов архитектурной декорации из коллекции Церковно-археологического музея Священной Митрополии Абхазии (предположительно из Дранды) и из нартекса церкви Успения в Дранде, переиспользованный блок с виноградной лозой из собора в с. Агу-Бедиа.

Иконографические аналогии с территории Византийской империи (Греция), современной территории Грузии, исторических провинций Тао и Кларджети позволяет уверенно вписать эти орнаменты в контекст средневизантийской скульптуры периода Македонской династии.

В четвертом параграфе пятой главы «Рельефы с S-образным орнаментом» анализируются фрагменты алтарной преграды из Анухвы, плиты из интерьера собора в с. Агу-Бедиа, фрагменты гипсовой алтарной преграды из Лыхны, плита из Малого Ахуна.

Большое количество аналогий такого типа орнамента (X – XI вв.) происходит с территории Грузии и ее исторических провинций. По мнению Л. Г. Хрушковой, именно Малый Ахун был крайним северо-западным пунктом его распространения.

Выводы к главе 5 затрагивают области распространения разнообразных видов плетеного геометрического и растительного орнамента, а также время его появления.

Наибольшее количество плетеных геометрических орнаментов разного рода встречаются в лапидарной коллекции, происходящей с горы Анакопия. Основные варианты плетеных узоров этой коллекции, как и в случае с зооморфными образами и изображениями крестов, встречаются впервые на напольных мозаиках Сиро-Палестинского региона в V–VI вв., затем они появляются в настенных росписях Каппадокии и, наконец, воплощаются в постиконоборческий период в каменной пластике Закавказья, Малой Азии, Греции, Киевской Руси. В хронологическом отношении ближайшие аналогии наблюдаемым типам плетенок и растительных орнаментов распределяются в интервале со второй половины X в. до первой трети XI в., хотя в некоторых случаях отдельные элементы узоров фиксируются и на памятниках XIII–XIV вв.

Некоторые специфические виды плетеных геометрических орнаментов встречаются именно на территории Абхазии, в Кударо и Раче (узор из ленты плетения, составленной из кружочков небольшого диаметра и переплетающиеся четырехконечные розетки и круги).

Все (кроме S – образного орнамента, который в основном был распространен на территории Грузии) типы орнамента (плетеный геометрический или ленточный, плетеный геометрический с растительными элементами, растительный орнамент), которые зафиксированы на территории Абхазии в период Абхазского царства, находят в X – XI вв. многочисленные аналогии как на территории Закавказья, так и на территории различных регионов Византийской империи или регионов, находившихся под ее непосредственным культурным влиянием (Малая Азия, то есть Каппадокия, Греция, отчасти Киевская Русь и Балканы).

Шестая глава «Рельефы с простейшими видами геометрического и фигуративного орнамента» в определенной степени является продолжением предыдущей, так как она тоже посвящена орнаментам, но более простым по форме, чем рассматриваются в предыдущей.

В первом параграфе шестой главы «Рельефы с орнаментами типа витой жгут и загнутая вверх концами лента» проведено разграничение между орнаментами означенного типа. В одних случаях «витой жгут» входит в состав более сложных композиций (отделяет друг от друга разные виды

декора), в других – имеет самостоятельную функцию (украшает наличники окон и т.д.).

Первые случаи проанализированы в предыдущей главе, в данном параграфе рассмотрены только рельефы, на которых витой жгут имеет самостоятельное декоративное значение (верхние наличники окон на фасадах храма в Бзыбской крепости). Этот специфический мотив широко распространен также на памятниках с современной территории Республики Южная Осетия и с сопредельных районов Грузии (Шида-Картли). Анализ конструктивных особенностей храма в Бзыбской крепости, а также иконографические аналогии к мотиву витого жгута позволяют датировать орнаменты из Бзыбской крепости X в.

Другой редкий декоративный мотив – лента с загнутыми вверх концами также встречается во внешней облицовке храма в Бзыбской крепости. Аналогии происходят из некоторых картлийских храмов и из Эредви. Появление этого мотива также можно отнести к X в.

Второй параграф шестой главы «Рельефы с использованием архитектурных элементов (валики, аркатура)» посвящен в основном рельефам с горы Анакопия (12 фрагментов), фрагментам алтарной преграды из Дранды (хранятся в фондах Абхазского государственного музея, Церковно-археологического музея Священной Митрополии Абхазии и в нартексе церкви Успения), фрагментам архитектурной декорации храма в Цкелкаре. Анализ конструктивных особенностей храмов, а также иконографические аналогии позволяют датировать распространение этого мотива на территории Абхазского царства X – пер. пол. XI вв.

Третий параграф шестой главы «Архитектурная декорация с мотивом перевязанных колонок и с выемчатым орнаментом» посвящен мотиву «гераклова узла» на фрагменте постамента предалтарного креста из Анухвы и фрагменту столбика алтарной преграды из Лоо. Необычный вариант этого мотива зафиксирован также на фрагменте гипсовой алтарной преграды из Лыхны (перевязанный плат). Аналогии к первым двум артефактам позволяют датировать эти фрагменты рубежом X – XI вв. Анализ исследовательской литературы по поводу бытования мотива «гераклова узла» на территории Византийской империи позволяет считать его апотропеем.

Фрагменты надгробий из фондов Абхазского государственного музея и из хранилища бывшего Государственного управления охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия украшены выемчатым орнаментом. Трудно уверенно говорить о времени их создания, однако похожий узор (основанный на вариациях мотива выемчатого треугольника) встречается на рамке, отделяющей средник от полей на второй и третьей плитах из села Октомбери (Цебельда).

В четвертом параграфе шестой главы «Орнаментальные мотивы в виде переплетающихся геометрических фигур» рассмотрена плита с холма Арасараху близ Цебельды. Стилистический и иконографический анализ, проведенный ее первооткрывателем Л. А. Шервашидзе, позволяет датировать этот артефакт X в.

Пятый параграф шестой главы «Архитектурная декорация с капителями, фрагментами колонок, сдвоенными полуколонками, с изображениями личин и плиты со следами обработки» посвящен разнородным фрагментам архитектурной декорации, происходящим из различных церквей. Так, мотив сдвоенных полуколонок встречается на рельефах из Дранды. Исходя из обстоятельств находок некоторых из них, а также благодаря иконографическим аналогиям, их можно отнести к X в.

Три капители, найденные в соборе в Мокве, благодаря найденным иконографическим аналогиям можно поставить в контекст византийской скульптуры периода Македонской династии. Напротив, лаконизм декора капителей, найденных в двухапсидном храме № 5 в Пицунде, не позволяет уверенно отнести их к тому же периоду, хотя такое предположение имеет право на существование.

Белокаменная деталь из храма Киач Аныхабаа была обнаружена в ходе полевых исследований и идентифицирована. Анализ конструктивных особенностей храма, его истории, а также некоторые аналогии (фрагменты темплонов) с территории Абхазии и Грузии позволяют считать этот артефакт частью алтарной преграды и датировать его в пределах X в.

Блок с антропоморфным изображением из Лоо можно отнести к тому же времени, благодаря иконографическим аналогиям с территории Грузии.

12 плит без орнамента, но со следами обработки (пазы, диагональные насечки) происходят из алтаря церкви св. Феодора на горе Анакопия. Вероятно, их можно датировать, как и большинство других из этой лапидарной коллекции (за исключением двух плит надгробных плит), в пределах середины X – пер. пол. XI вв.

В *Выводах к главе 6* говорится о том, что в результате проведенных исследований был обнаружен и атрибутирован фрагмент белокаменной резьбы из храма Киач Аныхабаа.

Удалось также предложить новые даты некоторых артефактов и обосновать их. Ранее они считались раннехристианскими (подобраны иконографические аналогии): три капители из собора в Мокве и, возможно, капители из храма № 5 в Пицунде.

Обозначен репертуар мотивов, которые использовались на рельефах с простейшими видами геометрического и фигуративного орнамента (витой жгут, лента с закрученными вверх концами, арочные мотивы, т.н. «гераклов

узел», первязанные колонки, выемчатый орнамент, протомы, переплетающиеся геометрические фигуры и др.).

Приведенные для каждой подгруппы изображений аналогии помогают поставить их в более широкий художественный контекст. Так, например, такие элементы, как витой жгут, лента с загнутыми вверх концами, протомы-личины, специфический вид орнаментированной бровки (Цкелкар) встречаются на памятниках этого времени на территориях Республики Южной Осетии и Грузии. В некоторых случаях ареал их распространения совпадает с тем, что был зафиксирован для зооморфных изображений т. н. плоскостно-графического стиля. Другие мотивы, напротив, были широко распространены на памятниках, связанных с различными регионами Византийской империи периода Македонской династии. В этой связи нужно в первую очередь упомянуть арочные мотивы (на фрагментах алтарной преграды из Дранды, столбике из села Полтавского и на двух плитах из села Ольгинское), т. н. «гераклов узел» (который на некоторых византийских памятниках, вероятно, выполнял функцию апотропея), резьбу капителей из собора в Мокве и, возможно, в Пицунде.

Цель Седьмой главы «Место архитектурной пластики Абхазии середины VIII – начала XI вв. в искусстве христианского мира» - проследить характер взаимодействия художественных образов, встречающихся в архитектурной пластике Абхазского царства, с культурой соседних, а иногда более отдаленных регионов христианского мира.

Одним из основных факторов, повлиявших на ход истории христианского зодчества на Кавказе этого периода, являются арабские нашествия VII – IX вв. После них остро встал вопрос о выборе художественного языка, который решался по-разному в различных регионах.

Последовательно рассмотрены регионы, которые оказали наибольшее влияние на формирование самобытных черт в архитектурной пластике Абхазии в VIII – XI вв.

Первый параграф седьмой главы «Юго-западная и Южная Грузия» посвящен региону, который также называют Тао-Кларджетией. Накануне арабских завоеваний в его южной части преобладало армянское население, а в северной – картвельское. Культура этого региона в послеарабское время характеризуется постоянным соперничеством нескольких багратидских княжеств, которые, несмотря на формальное подчинение Византийской империи, вели независимую политику.

Моделью и образцом для монументальных построек послеарабского времени в Тао послужили доарабские церковные здания, возведенные армянами-халкидонитами еще в VII в. Обильный резной декор появляется на храмах этого региона не раньше X в. Появление наиболее богато орнаментированных храмов можно связать с деятельностью Давида

Куропалата (961 – 1000) (базилика в монастыре Отхта Эклесия, базилика в Пархальском монастыре, собор-усыпальница в Ошки, храм монастыря в Хахули и др.). Качество исполнения резьбы предполагает участие в строительных работах, наряду с местными, византийских мастеров. Показательна одновременность строительства ключевых для каждого из двух регионов зданий (Абхазское царство и Тао). В системе украшения этих храмов появляются многие общие для обоих регионов черты: декоративные элементы группируются вокруг окон (наличники) и дверей (порталы) или опоясывают барабан, обилие зооморфных деталей, многие из которых традиционно имели сакральное значение.

Во *втором параграфе седьмой главы «Армения»* говорится об опосредованном, но значительном влиянии этого региона на архитектурную пластику Абхазского царства. Использование доарабских памятников армян в качестве образца для строительства в IX -X вв. характерно как для правителей Тао-Кларджетии, так и для абхазских царей. Построенный Георгием II собор в Мартвили (Чкондиди) (Эгриси) копирует картлийский храм VII в. (мцхетский Джвари или Атенский Сион). Скульптурная декорация этого собора явно выполнена под влиянием рельефов церкви св. Креста на о. Ахтамар (915 – 921), построенного по заказу васпураканского царя Гагика Арцруни. Кроме того, предполагается существование своеобразного архитектурного соперничества между царями Абасом и Георгием II.

Третий параграф седьмой главы «Верхняя (Западная) Картли» касается в основном территории, располагающейся в междуречье и истоках рек Большая и Малая Лиахва, Ксани, и соседних верховьев Риони, связанных с Рачей (Квайса, Надарбазев, Касагина и др.). Памятники этого региона демонстрируют стилистическую близость с группой зооморфных изображений с территории Абхазии. Культурное единство этого региона, богатого реликтовыми формами, отмечалось еще А. А. Миллером.

Изображения реальных и, отчасти, фантастических гибридных существ выполнены в плоскостно-графическом стиле. Возможно, их своеобразие обусловлено влиянием локальных более древних археологических культур. Архитектура нагорной части внутренней Картли в IX – X вв. также может рассматриваться как самобытный художественный феномен. Реальная власть на этой территории принадлежала местным феодалам, один из которых был обычно наместником абхазского царя. Именно в этом горном регионе как наиболее глухом и удаленном от потенциальной угрозы арабских нашествий раньше других в Картли возобновляется церковное строительство (здесь находится подавляющее большинство купольных храмов второй половины IX – X вв.). Одной из характерных особенностей зодчества этого района в рассматриваемый период является почти полное отсутствие внешних влияний и стремление к локальной доарабской архитектуре как к образцу. Возможно, что зооморфные гибридные образы появились здесь в архитектурной

декорации христианских храмов под влиянием еще более древних локальных археологических культур.

Четвертый параграф седьмой главы «Византия» посвящен основным тенденциям, характеризующим скульптуру Византийской империи периода Македонской династии. Основной из которых являлась ориентализирующая тенденция с тягой к восточным предметам роскоши (включая ткани). На уровне иконографии она определяется необычайной популярностью таких традиционных для иранского искусства мотивов, как изображения экзотических животных (львов, слонов), растительные и геометрические орнаменты, составленные из сочетания различных по размеру окружностей. Другая особенность этой тенденции – заимствование мотивов из раннехристианского репертуара (напольные мозаики Сиро-Палестинского региона). В IX – X вв. они появляются в архитектурной пластике (фасады, алтарные преграды). Возрождение скульптурных мастерских после иконоборческого кризиса началось с Малой Азии и Греции (Фивы, Скрипу). К концу X – XI вв. центр производства скульптуры смещается в Константинополь и на Афон, а также в Фессалоники. Для византийской скульптуры Греции и Константинополя этого времени характерно высочайшее качество резьбы, тонкое понимание анатомии в изображении людей и животных. Зачастую человеческие фигуры вписаны в архитектурный пейзаж в виде аркады (как и на плитах алтарной преграды из Дранды, из Ольгинского, из Анухвы и на фрагменте алтарной преграды с изображением Сна Иосифа с территории Абхазии).

Пятый параграф седьмой главы «Западная Европа» посвящен сопоставлению с некоторыми иконографическими сюжетами из романских церквей (Франция, север Испании). В случае с сюжетом «Сон Иосифа» абхазский рельеф демонстрирует более сложную композицию, зато капитель из Клермон-Феррана помогает идентифицировать сюжет (благодаря подробной латинской надписи). Это не единичный случай, когда один и тот же сюжет встречается в столь отдаленных друг от друга регионах. Похожая ситуация фиксируется с изображениями зверей из группы церквей, находящихся на территории современной Ингушетии (Тхаба-Ерды) и Республики Южная Осетия (Касагина) и на территории Кантабрии, Наварры (Санта-Мария де Реторильо, Сан Мигель де Эстилья) и Лангедока (собор в Эльне).

В. Н. Лазарев наметил пути исследования «бродячих сюжетов», а также механизмы заимствования форм одной культуры из другой в христианском искусстве X – XI вв.

Шестой параграф седьмой главы «Сравнение регионов» резюмирует наблюдения касательно взаимовлияния выше рассмотренных регионов друг на друга. Регионы активно взаимодействовали как на политическом, так и на культурном уровне. Определяющей была та духовно-культурная среда,

которая сформировалась в Византийской империи в период Македонской династии. Своим своеобразием она во многом обязана армянскому фактору, влияние которого было хоть и косвенным, но значительным.

Своеобразие декоративной скульптуры на территории Абхазии периода Абхазского царства заключается в том, что она испытала на себе влияние византийских памятников и мастеров (вероятнее всего из Греции и, отчасти, Малой Азии) и, одновременно, получила мощный творческий импульс со стороны более традиционных по культуре горных районов (территория современной Республики Южная Осетия и грузинской Рачи). Интересно, что истоки традиционных образов можно проследить в гораздо более древней локальной культурно-исторической общности (Кобано-Колхидской).

Заключение

Исследования последних десяти лет позволяют по-новому взглянуть на искусство периода Абхазского царства, в частности на архитектурную пластику этого времени. Была проделана определенная работа, в результате которой удалось выявить и атрибутировать ряд новых, ранее неизвестных артефактов, а также достаточно убедительно передатировать некоторые прежде хорошо известные памятники и лапидарные коллекции. По итогам проведенных изысканий, представляется возможным выделить определенные стилистические и иконографические группы среди каменных рельефов рассматриваемого периода, а также определить их возможные истоки.

Некоторые образцы каменной резьбы обрели новый смысл, будучи рассмотрены в этом контексте. Среди недавно открытых, ранее не рассматриваемых в обобщающих трудах, памятников – фрагмент основания колонки алтарной преграды, происходящий из церкви в Дранде (ныне хранится в фондах Церковно-археологического музея священной митрополии Абхазии в Новоафонском монастыре). По окружности круглого в сечении каменного известнякового блока представлен редкий иконографический извод сцены, изображающей пророка Иону, поглощаемого китом. Иконографический и стилистический анализ этого артефакта позволил отнести его к X в.

Еще одним открытием стала публикация и атрибуция фрагмента каменной резьбы, хранившегося в фондах Абхазского государственного музея (г. Сухум). На лицевой стороне известнякового блока кубической формы изображена сцена с тремя действующими персонажами. Двое из них стоят, один тянет за бороду другого. Третий персонаж, который также имеет бороду, лежит у ног двух первых. Благодаря выявленной иконографической параллели с капителью из церкви Нотр Дам дю Пор в Клермон-Ферране (около 1100 г.), эту сцену удалось идентифицировать как редчайший иконографический извод сюжета «Сон Иосифа».

Кроме того, в ходе полевых исследований высокогорных сел Абхазии, проводившихся летом 2016 года, был обнаружен фрагмент белокаменной резьбы, возможно, алтарной преграды, в руинах храма Киач-Абааныха. Интересно, что до этой находки никаких сведений о возможном наличии в этом храме белокаменной резной алтарной преграды не было. Найденная деталь состоит из трех геометрических частей: квадратной в сечении плиты, бордюра и шара. Она, вероятно, служила базой колонки алтарной преграды.

Удалось также установить местонахождение ряда считавшихся ранее утерянных фрагментов алтарной преграды из церкви в селе Дранда. Оказалось, что уцелевшие фрагменты этого несохранившегося памятника хранятся в трех собраниях: в фондах Абхазского государственного музея в г. Сухум, в фондах Церковно-археологического музея священной митрополии Абхазии в Новоафонском монастыре в г. Новый Афон и в нартексе церкви Успения в селе Дранда.

В результате комплексного изучения лапидарной коллекции, которая была собрана в алтаре церкви св. Феодора на горе Анакопия (теперь перемещена к подножию горы, в музей Абхазского царства), удалось установить, что рельефы с изображениями льва и вихреобразных розеток, рыбы и кипарисов, а также пропавший рельеф с изображением быка и льва у креста и надписью с упоминанием византийского императора Константина IX Мономаха (1042-1055) нужно датировать не раннехристианским временем, как это делалось ранее, а в переделах середины X – пер. пол. XI вв. Близкий к ним по стилю и иконографии рельеф с изображением быка и льва у креста Сухумской горы, можно, следовательно, также отнести к этому времени. Похожи по стилю и, отчасти, с иконографической точки зрения, рельефы с изображениями крестов, птицы и рыб из Мрамбы. Очевидно, что их можно считать единой группой и датировать, поэтому, приблизительно тем же временем, что и рельефы с Анакопийской горы.

В целом, подводя итог изучения анакопийской коллекции (как самого значительного лапидарного собрания на территории Абхазии), необходимо отметить следующее. Во-первых, большинство рельефов, находившихся в алтаре церкви Св. Феодора на Анакопийской горе, возможно, были выполнены в ходе строительных работ, проводившихся в крепости около 1046 г., в правление Константина IX Мономаха. Сюжеты, представленные на этих плитах, аналогичны тем, что использовались в каменной пластике Закавказья для украшения фасадов церквей и алтарных преград, начиная с середины X в. Следовательно, они могут быть поставлены в контекст развития архитектурной пластики Абхазского царства. Во-вторых, будучи интерпретированы подобным образом, рельефы рассматриваемой лапидарной коллекции находят многочисленные иконографические и функциональные аналогии в фасадной пластике соседних областей Тао, Кларджети, Картли и др., а также на территории Армении и Византийской империи. В-третьих, выявленные иконографические сюжеты и возможные особенности их

применения в художественном ансамбле комплекса церковных зданий Анакопии, возможно, могут быть поставлены в контекст обширной строительной кампании, проводившейся Константином IX Мономахом в различных частях Византийской империи. Характерные мотивы, представленные на анакопийских рельефах (изображения льва, растительные узоры, геометрические орнаменты, составленные из переплетающихся кругов разных диаметров), являются отражением ориентализирующей тенденции, во многом определяющей своеобразие такого культурного явления, как Македонский ренессанс.

Напротив, рельефы, собранные вокруг собора в селе Агу-Бедия, вряд ли можно отнести к XI в. Они, вероятнее всего, были выполнены позже, не раньше XIV в. К периоду Абхазского царства, благодаря некоторым стилистическим и иконографическим параллелям, а также учитывая данные археологии и архитектурный анализ структуры собора, можно отнести только некоторые переиспользованные резные блоки внутри собора.

Кроме того, удалось скорректировать в пользу времени Абхазского царства датировку капителей из собора в Мокве.

Таким образом, проведенные исследования позволяют выделить некоторое количество резных известняковых блоков (в основном, архитектурная декорация храмов и малые формы (алтарные преграды)), которые, как кажется, можно датировать временем между VIII и XI вв., то есть временем существования Абхазского царства. Представленные на этих рельефах сцены достаточно разнообразны. Среди них есть зооморфные образы, традиционные для византийского искусства сложные композиции с участием антропоморфных фигур, растительные, геометрические и ленточные плетеные орнаменты разных типов, так называемые S – образные орнаменты и орнаменты типа витой жгут.

Стилистический и иконографический анализ изображений позволяет выделить среди них несколько групп. Среди наиболее красноречивых образов – те, где представлены многофигурные антропоморфные сцены и зооморфные сюжеты. Рельефные изображения со сложными многофигурными композициями с участием антропоморфных фигур хронологически могут быть разделены на две группы. К первой группе можно отнести пять фрагментов, обнаруженных в ходе исследований разных лет около руин церкви на холме Арасараху (село Октомбери, Цебельда). Резные изображения на этих фрагментах демонстрируют несомненную стилистическую однородность. Композиционный анализ представленных сцен, их подбор, а также некоторые стилистические и иконографические аналогии позволяют с большой долей вероятности отнести памятники этой группы ко второй трети VIII в. В этом случае, можно считать, что они характеризуют раннюю фазу развития архитектурной пластики Абхазского царства. Трудно определить, художественное влияние какого именно региона они могли бы отражать. Судя

по некоторым иконографическим деталям (характер орнамента на одежде двух молящихся с воздетыми руками в нижней части композиции на так называемой первой плите (круги, напоминающие о восточном, точнее персидском костюме)), в данном случае заметно персидское влияние (возможно, через посредство закавказских памятников).

Ко второй группе относятся памятники, которые, благодаря выявленным аналогиям, можно датировать в пределах X – начала XI вв. Их отличает утонченная техника исполнения, натуралистическая передача пропорций, объем, пластичность. Разнообразны представленные сюжеты и персонажи (Христос и Богородица, святители, литургические сцены, пророки и праведные, святые всадники). Все рассмотренные артефакты из этой группы выполнены из известняка. С функциональной точки зрения, в большинстве своем они являются различными фрагментами алтарных преград, происходящих из церквей, расположенных в основном в восточной Абхазии. Иконографический анализ некоторых из этих сцен (к примеру, пророк Иона, поглощаемый китом, на фрагменте основания столбика алтарной преграды из фондов Церковно-археологического музея священной митрополии Абхазии в Новоафонском монастыре) позволил установить, что их истоки связаны с лучшими образцами эллинистического искусства раннехристианского времени. Изображения этой группы стилистически близки между собой. Так, фигуры на трех плитах из села Ольгинское демонстрируют определенную общность художественных приемов и изобразительных мотивов. Всадник с плиты алтарной преграды из церкви в селе Ольгинское по ряду орнаментальных деталей (характер изображения доспехов и сбруи коней) походит на всадника с плиты из села Анухва. Аналогичны позы всадников и лошадей, а также трактовка тел животных (пропорции натуралистичны, изображения объемны). Кроме того, индивидуальные черты изображения пророка Ионы на фрагменте из Дранды (высокий лоб с залысинами, острая борода, крупные миндалевидные глаза) и его руки (характер складок на хитоне, проработка пальцев) похожи на то, как трактован образ Иосифа на фрагменте неизвестного происхождения из Абхазского государственного музея. Некоторые другие общие черты в изображении складок одеяний представленных персонажей (Христос на плите с деисусом из Дранды и святитель на утерянной плите из Ольгинского), их поз (ангелы на плите с Распятием из Абхазского государственного музея и ангел на плите с изображением Сна Иосифа) и жестов (кисти рук Богородицы на плите с архитектурным пейзажем из Дранды и кисти рук ангелов на плите с деисусом из той же церкви) позволяют объединить рассматриваемые памятники в единую стилистическую группу. Выявленные аналогии позволяют поставить эти памятники в контекст романской скульптуры Европы, сравнить их с лучшими образцами мелкой пластики с территорий Византии X – XI вв. (Греция, Малая Азия, отчасти Константинополь и др.) и современной Грузии.

Зооморфные изображения сильно отличаются по стилю от сложных многофигурных композиций с участием антропоморфных фигур. Рельефы с образами зверей (млекопитающие, рыбы, птицы) сделаны в так называемой плоскостно-графической манере. Они схематичны и условны, техника примитивна. Среди сюжетов – исключительно зооморфные сцены. К этой группе относятся рельефы с изображениями зверей с горы Анакопия, рельеф с изображением быка и льва у креста из Абхазского государственного музея, группа рельефов из Мрамбы, а также лев из сцены Даниил во львином рву из церкви в селе Веселое и, возможно, звери с горы Лашкендар. Как показали исследования, их можно датировать серединой X – первой половиной XI вв. Изображения этой группы находят близкие аналогии среди памятников Кударо (и некоторых других областей, находившихся в горных районах на периферии Абхазского царства). Интересно, что в этой области активная деятельность абхазских царей задокументирована не только художественными аналогиями, но и письменными свидетельствами. Так, среди памятников, которые можно связать с деятельностью абхазских царей в первую очередь благодаря письменным источникам разного рода, а не из-за общности художественным приемов, использовавшихся в их строительстве и украшении.

Возможно, специфический стиль зооморфных изображений распространился по территории Абхазского царства из глухого горного района (верховья рек Ксани и Лиакви), наиболее удаленного от набегов арабов, который стал одним из центров художественного возрождения в начальный период развития искусства Абхазского царства. Возможно также, что эти образы отражают более древнюю местную традицию изображения животных, которую можно проследить, по крайней мере, начиная с позднего бронзового века. Не менее интересно, что изображения этой группы находят аналогии среди некоторых росписей пещерных храмов в Каппадокии, а плиты с изображениями птиц можно сопоставить с некоторыми образцами пластики средневизантийского периода (Балканы, Греция, Киевская Русь).

Третья группа памятников украшена изображениями крестов различных типов. Резные плиты с изображениями крестов, которые можно сопоставить со временем Абхазского царства, демонстрируют разнообразие как с точки зрения иконографических типов, так и с точки зрения техники исполнения. Выявленные стилистические и иконографические аналогии для памятников этой группы помогают поставить их в контекст художественной культуры различных регионов Византийской империи (Греция, Малая Азия, в особенности, Каппадокия) периода Македонской династии, а также позволяют соотнести их с определенными художественными центрами на территориях современной Республики Южная Осетия, Грузии и, опосредованно, Армении.

К четвертой группе памятников принадлежат рельефы с плетеными геометрическими, растительными орнаментами разного рода, а также с S-образными орнаментами. В большинстве случаев узоры на памятниках этой

группы составлены из ленты плетения в три полосы. Наибольшее количество таких рельефов происходит с горы Анакопия, отчасти из Анухвы. Есть примеры с плетенками из Лоо, села Веселого, Бамборы, Бедии (архаического типа, с лентой плетения в две полосы). Аналогичные плетеные орнаменты были широко распространены по территории всей Византийской империи, включая Грецию, Малую Азию (вплоть до Балкан и Киевской Руси) в период правления Македонской династии. Они также встречаются на периферийных землях Абхазского царства (Кударо, Шида Картли). Видимо, отсюда они распространились и в другие районы Закавказья. Особый интерес вызывает подгруппа, составленная из фрагментов алтарных преград, украшенных специфическим видом плетеного геометрического орнамента. Это круги большого диаметра симметрично расположенные в два ряда на плоскости плиты. Сердцевина больших кругов украшена цветочными розетками. Такие орнаменты есть в Лыхны, Ачануа, Мсыгхуа. Они также находят аналогии в Кударо (Кусирети), но в целом такой тип орнамента более характерен для средневизантийского периода на территории Малой Азии. Отмечается связь таких орнаментов с византийским ювелирным искусством. Они также могли появиться на Кавказе также благодаря византийским тканям.

Орнаменты, украшающие капители из Моквы (если их передатировка верна), также демонстрируют художественное влияние территорий, входивших в состав Византийской империи (в первую очередь Малой Азии). Другой тип орнамента демонстрирует явное закавказское влияние. Это типичный для многочисленных памятников с территории Грузии так называемый S-образный орнамент. В Абхазии он встречается в Лыхны, в Бедии, в Малом Ахуне. Есть аналогии такого орнамента из церкви в Тбете около Цхинвала.

К пятой группе памятников можно отнести плиты с простейшими видами геометрического и фигуративного орнамента. Специфический тип орнамента, представляющий из себя «витой жгут», встречается на некоторых памятниках с территории Абхазии (Бзыбь, Мрамба, Анакопия) на территории Верхней Картли и в некоторых других частях современной Грузии.

Необычны также рельефы с изображением ленты с закрученными вверх концами, а также такой декоративный мотив, как перевязанные колонки или т.н. «гераклов узел». Найденные иконографические аналогии помогают поставить изображения этой группы в более широкий художественный контекст. К примеру, такие специфические мотивы, как «витой жгут», лента с загнутыми вверх концами и протомы - личины встречаются только на одновременных памятниках (X - XI вв.) на территориях Республики Южной Осетии и Грузии. Интересно, что в некоторых случаях ареал их распространения совпадает с тем, что был зафиксирован для зооморфных изображений т. н. плоскостно-графического стиля. Другие мотивы (перевязанные колонки, арочные мотивы, специфическая резьба на капителях

из Моквы) встречается на памятниках, происходящих из различных регионов Византийской империи.

В итоге становится очевидным, что искусство Абхазского царства (по материалам архитектурной пластики) представляет собой многообразное и самобытное художественное явление, которое в разные этапы своего развития активно взаимодействовало с соседними регионами. Судя по всему, в его формировании участвовали различные художественные центры. Решающее значение имели контакты с Византийской империей. Влияние Византии не было однородным. Важную роль играли контакты с такими регионами как Каппадокия (в целом Малая Азия), Греция (Фивы, Скипу), не исключая и некоторые другие регионы, находящиеся под непосредственным влиянием Византийской империи. В некоторых случаях заметно даже влияние столичного искусства, зачастую восходящее к раннехристианским и эллинистическим корням. Некоторые примеры позволяют констатировать, что пластика Абхазского царства может быть сопоставлена с современными ей образцами романского искусства. Причем в случае со сценой Сна Иосифа абхазский извод демонстрирует большее внимание к деталям повествования, чем Овернский. Большое значение в формировании художественных особенностей архитектурной пластики Абхазского царства имели также местные художественные традиции, а также различного рода контакты со странами Закавказья. Гипотеза исследования подтверждена.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

I. Монографии

1. Искусство Абхазского царства VIII – XI веков. Христианские памятники Анакопийской крепости/ отв. ред. и сост. Е. Ю. Ендольцева. Санкт-Петербург: Издательство РХГА, 2011. 271с. (13 п.л.)

2. Ендольцева Е. Ю. Архитектурная пластика Абхазии в период Абхазского царства (VIII – XI вв.). Москва: Издательство ИВ РАН, 2020. 432 с. (21 п.л.)

II. Публикации в рецензируемых научных изданиях, входящих в перечень ВАК

3. Ендольцева Е. Ю. Рельефы Анакопии и архитектурная пластика Абхазского царства: к постановке проблемы// **Византийский временник. Т. 68 (93). 2009. С. 225-243. (1 п.л.)**

4. Ендольцева Е. Ю. Западное Закавказье и Каппадокия: некоторые иконографические параллели в период Македонской// **Российская археология. № 3. 2012. С. 109 – 114. (0, 5 п.л.)**

5. Ендольцева Е. Ю., Чхаидзе В. Н. Лapidарная коллекция с Таманского городища: варианты идентификации византийских рельефов// Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. Том 21. № 5. 2016. С. 55 – 67. (1 п.л.) (0, 8/ 0,2)

6. Ендольцева Е. Ю., Сангулия Г. А. Каменная пластика собора в с. Агу-Бедия: проблемы датировки// Проблемы истории, филологии, культуры. № 4. 2016. С. 139 – 157. (1, 3 п.л.) (1/ 0, 3)

7. Ендольцева Е. Ю. Синкретические образы: изображение бычьей головы в архитектурной пластике христианских храмов на южном Кавказе в период Средневековья// Проблемы истории, филологии и культуры. № 2. 2017. С. 323 – 338. (1 п.л.)

8. Ендольцева Е. Ю. Группа рельефов из поселка Мрамба (Республика Абхазия): уточнение датировки// Обсерватория культуры. 15 (6). 2018. С. 719 – 728. (0,6 п.л.)

9. Ендольцева Е. Ю. Храм Лашкендар и абхазо-аланские культурные контакты: перспективы исследования// Обсерватория культуры. Том 15. (3). 2018. С. 298-309. (0,8 п.л.)

10. Ендольцева Е. Ю., архимандрит Дорофей Дбар. Архитектурная декорация и малые формы в церкви в Дранде: новые данные// Вестник Волгоградского Государственного Университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. Том 23. № 5. 2018. С. 196 – 210. (1 п.л.) (0,8/ 0,2)

11. Endoltseva E., Dorotheos Dbar (archimandrite). Altar Barrier from Dranda Church: New Facts// Anastasis. Research in Medieval Culture and Art. Vol. V. No. 2/ November. 2018. P. 7-20. (1 п.л.) (0,8/ 0,2)

12. Endoltseva E. A Group of Reliefs from the Mramba Village (the Republic of Abkhazia): To the Question of Dating// Anastasis. Research in Medieval Culture and Art. Vol. VI. No. 1/ May. 2019. P. 45 – 58. (1 п.л.)

13. Ендольцева Е. Ю. Архитектурная пластика Абхазского царства (VIII–XI вв.). Из коллекции Абхазского государственного музея (г. Сухум, РА)// Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университет. Серия V: Вопросы истории и теории христианского искусства. Вып. 33. 2019. С. 9 – 31. (1,5 п.л.)

14. Ендольцева Е Ю. Некоторые особенности искусства Абхазского царства VIII–XI веков на примере архитектурной пластики// Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 9 / Под ред. А. В. Захаровой, С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой. – МГУ имени М. В. Ломоносова/ СПб.: НП-Принт, 2019. С. 253–261. (0,6 п.л.)

15. Ендольцева Е. Ю., Скаков А. Ю. Зооморфные образы в архитектурной пластике Кавказа 9–11 вв.// Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия V: Вопросы истории и теории христианского искусства. Вып. 37. М., 2020. С. 9–28. (1, 4 п.л.) (1/ 0,4)

16. Ендольцева Е. Ю. Рец. на: Иванова С. В. Воскресение и Сошествие во ад: история двух сюжетов в христианском искусстве. СПб.: Российский институт истории искусства, 2019 (Ендольцева Е. Ю.)// Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия V: Вопросы истории и теории христианского искусства. 2020. Вып. 40. С. 189 – 191. (0, 15 п.л.)

17. Endoltseva E. Zoomorphic Images and Ornaments with Rosettes in Christian Art of the Caucasus: Formation Paths of the Traditional Schemes// Anastasis. Research in Medieval Culture and Art. Vol. VIII. No 2. 2020. (0,5 п.л.)

III. Публикации в других научных изданиях за последние 10 лет

18. Ендольцева Е. Ю. Изображение рыбы в фасадной пластике Абхазского царства: символика образа//Проблемы археологии Кавказа (к 70-летию Ю. Н. Воронова). Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 70-летию Ю. Н. Воронова (10 – 11 мая 2011г, г. Сухум)/отв. ред. А. Ю. Скаков. Сухум, 2011. С. 170-178. (0,6 п.л.)

19. Ендольцева Е. Ю. Об одном мотиве украшения алтарных преград в западном Закавказье// Вторая Абхазская международная археологическая конференция (8 – 12 ноября 2008г). Посвящена памяти М. М. Трапш. Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Материалы конференции/ отв. ред. А. Ю. Скаков. Сухум, 2011. С. 127 – 130. (0,2 п.л.)

20. Ендольцева Е. Ю. К вопросу об изучении христианского искусства Абхазского царства// Ученый записки Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья ИВ РАН/ отв. ред. А. Ю. Скаков. Москва, 2013. С. 95-106. (0,8 п.л.)

21. Ендольцева Е. Ю. Стелы с 1-го Гочатлинского поселения: иконографический контекст// Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции Москва, 21-25 апреля 2014. Москва, 2014. С. 345 – 348. (0, 2 п.л.)

22. Ендольцева Е. Ю. Синкретизм христианских и дохристианских верований на примере архитектурной пластики Северного Кавказа// Историко-культурное наследие Юга России. (Научно-практическая конференция. Г. Ставрополь, 9 февраля 2015 г). Москва, 2015. С. 271 – 280. (0,6 п.л.)

23. Ендольцева Е. Ю. Абхазо-аланские культурные контакты на примере архитектурной пластики: перспективы исследования// Историко-культурное наследие Великого шелкового пути и продвижение туристических дестинаций на Северном Кавказе. Материалы международной научно-практической конференции. Ставрополь, 2016. С. 156 – 159. (0,2 п.л.)

24. Ендольцева Е. Ю., Виноградов А. Ю. Разные интерпретации одного сюжета в средневековом христианском изобразительном искусстве (дерганье за бороду)// Восток (Oriens). № 6. 2016. С. 90 – 97. (0,3 п.л.) (0, 2/ 0, 1)

25. Ендольцева Е. Ю. Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII-X в. М.: Индрик, 2015. 372 с. – рецензия// Вестник Российского гуманитарного научного фонда. № 3-4 (84 – 85). 2016. С. 262 – 265. (0, 2 п.л.) (0,1/ 0,1)

26. Ендольцева Е. Ю. Об одном необычном изображении «Сна Иосифа»// Библейские и литургические темы и образы в искусстве Востока и Запада: диалог культур, традиция и современность. Москва, 2017. С. 176-181. (0,3 п.л.)

27. Ендольцева Е. Ю. Об одном рельефе из хранилища бывшего Государственного Управления охраны историко-культурного наследия республики Абхазия// Международная научная конференция «Археология средневекового храма» к 170-летию К. К. Косцюшко-Валюжинича. 25-29 сентября 2017 г. Материалы научной конференции. Севастополь, 2017. С. 21-25. (0, 3 п.л.)

28. Ендольцева Е. Ю. Храм Киач-Абааныха (Аныхабаа): материалы изучению// Seminarium Bulkinianum. IV: к 80-летию со дня рождения В. А. Булкина. Спб, 2017. С. 45-49. (0,3 п.л.)

29. Ендольцева Е. Ю., архимандрит Дорофей Дбар. Алтарная преграда из церкви в Дранде: новые данные// Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и Средневековье. XXX Крупновские чтения. Материалы международной научной конференции. Карачаевск, 22 – 29 апреля 2018. - Карачаевск, 2018. С. 456-459. (0, 2 п.л.) (0,1/ 0, 1)

30. Ендольцева Е.Ю. Особенности формирования художественной культуры Абхазского царства и ее взаимодействие с Византией (на примере архитектурной пластики)// Труды Института востоковедения РАН. Вып. 9: Национальная культура в транснациональном пространстве/ отв. ред. Ю.В. Любимов; сост. С.В. Прожогина. Москва, 2018. С. 37—54. (1,2 п.л.)

31. Виноградов А.Ю., Ендольцева Е. Ю., Белецкий Д.В. Рецензия на книгу: Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье в византийскую эпоху. История. Архитектура. Археология. Калининград–Москва: ИД «РОС-ДОАФК», 2018. 480 с. (Труды исторического факультета МГУ; 137. Серия II.

Исторические исследования; 80)// Богословские труды. №49. 2019. С. 359 – 370. (0, 8 п.л.) (0, 4/ 0, 4)

32. Ендольцева Е. Ю. Некоторые особенности в изображении креста на рельефе из церкви в поселке Куламба (Республика Абхазия)// Россия. Грузия. Христианский Восток. Духовные и культурные связи: Сборник статей по материалам VI Научных чтений, посвященных памяти Д.И. Арсенишвили. М.: Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева, 2020. 405 288 с.; 153 ил. (Труды Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева; Т. XVIII). С. 160-164. (0,3 п.л.)

IV. Публикации в зарубежных изданиях

33. Endoltseva E. Image of Afterlife in Medieval Plastic Art of Abkhazia// Iconography of death. IKON. Journal of iconographic studies/ ed. M. Vicelja - Matijašić. Vol. 4. Rijeka, 2011. P. 19 – 27. (0,6 п.л.)

34. Endoltseva E. La transcaucasie de l'Ouest et la Cappadoce: queques parallèles iconographique sous la dynastie Macédonienne. Les animaux et les croix// Ars auro gemmisque prior. Mélanges en hommage à Jean-Pierre Caillet. Textes réunis par Chrystèle Blondeau, Brigitte Boissavit-Camus, Véronique Boucherat, Panayota Volti. Zagreb – Motovun, 2013. P. 455 - 463. (0,6 п.л.)

35. Endoltseva E., Vinogradov A. The Beard Pulling in Medieval Christian Art: Various Interpretations of a Scene// Anastasis. Research in Medieval Culture and Art. Vol. III, No. 1/ 2016. The Sign and the Sacred. P. 88-98. (0, 75 п.л.) (0, 45/ 0, 3)

36. Endoltseva E. A motive of the Bull's Head as a Decoration of the Medieval Churches in Southern Caucasus// Anastasis. Research in Medieval Culture and art. Vol. IV. No. 1/ May 2017. P. 128-142. (1 п.л.)